

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

**ST.PETERSBURG JOURNAL
OF ORIENTAL STUDIES**

**выпуск 9
volume 9**

**Центр
«Петербургское Востоковедение»**

**Санкт-Петербург
1997**

2. РГБ. Ф. 179 (Арабские рукописи) № 126. 21×17. 260 л. Ат-Табризи (1030—1109). Комментарий к «Сақт аз-занд» («Искры от огнива») и «Дау' ас-сақт» ал-Ма'арри (973—1057).

Датировка «не позднее 1345 г.», приведенная в обзоре В. В. Лебедева¹, основана на наиболее заметной записи на последнем листе рукописи. На л. 4 (первом после оглавления) читается более старая запись с датой конца раби' второго 687 г. Х. — ок. 2.06.1288 г.

3. МГИМО (Московский государственный институт международных отношений) № 49. 24×16,5. Конволют из астрономического трактата и филологического сочинения, переписанных разными почерками. У обеих частей утрачены первые листы. Первая часть завершена в конце сафара 733 г. Х. — 1332 г. Год обозначен цифрами. Вторая часть завершена в конце раби' второго 736 г. Х. — 1335 г. в Джурджани Хорезма (Ургенч). Год также обозначен цифрами. Как явствует из колофона, автор — 'Али б. Мухаммад б. Дихкан 'Али б. Аби Бакр б. 'Али ан-Насафи — завершил свой труд в Термезе 1 раджаба 702 г. Х. — 19.02.1303 г., а датировка завершена 1 рамадана 718 г. Х. — 27.10.1318 г. Сочинение, очевидно, носит название «Фатх ал-галақ ва Дау' ал-гасақ», упоминающееся в начале сохранившегося текста, это название в доступных указателях обнаружить не удалось. Как можно понять из колофона, оно представляет собой комментарий (халл 'ависат) к разделу морфологии (қисм ас-сарф) широко распространенного сочинения «Мифтах ал-'улум» ас-Саккаки (1229). К. Брокельман отмечает наличие двух рукописей комментария того же 'Али... ан-Насафи, но лишь к разделу риторики указанного сочинения ас-Саккаки, пользовавшемуся особой известностью². В этой

связи в рукописи МГИМО можно предположить уникальный список сочинения, представляющего несомненный исторический интерес.

Д. А. Морозов

Three more MSS from Library of Muḥammad Pārsā in Moscow (An Addendum to Article by A. B. Khalidov: Vol. 6 (1994) 506–519) by D. A. Morozov

The author adds to the list compiled by A. B. Khalidov short descriptions of three more MSS originated from the same medieval collection, discovered by him in two Moscow libraries.

100-летие заключения союзного договора между Россией и Китаем

100 лет назад состоялся визит в Россию чрезвычайного китайского посольства во главе с Ли Хун-чжаном, выдающимся китайским дипломатом, одним из крупнейших сановников цинской империи. Официально провозглашенными целями были представление Ли Хун-чжаном Китая на церемонии коронации Николая II и обсуждение вопроса о повышении таможенных пошлин. Истинный же смысл посольства был связан с заключением тайного оборонительного союза с Россией. Подписание 3 июня 1896 г. союзного договора было крупнейшим из целой серии событий, позволяющих говорить о новой стадии во взаимоотношениях Китая и России, начавшейся с середины 90-х годов XIX в.

* * *

Россия являлась активным звеном в намечавшемся к 1895 г. русско-китайском альянсе, который стал возможен только потому, что к этому времени ее политика по отношению к Китаю определилась как «мирное» завоевание, постепенное экономическое проникновение при сохранении территориальной целостности Китая.

Проведение этой политики было во многом связано с деятельностью не-

С. 18; Матвиевская Г. П., Розенфельд Б. А. Математики и астрономы мусульманского средневековья и их труды (VIII—XVII вв.). Кн. 1—3. М., 1983: Кн. 2. С. 322. № 2686; С. 323. № 268в; С. 360. № 325а; С. 377. № 351а; Кн. 3. С. 95.

¹ Лебедев В. В. Арабские рукописи... С. 99.

² Brockelmann C. Geschichte der arabischen Literatur. Bd. I. Weimar; Berlin, 1898. S. 294. Общеизвестные дополнения новой информации в данной связи не дают.

давно назначенного министром финансов С. Ю. Витте. Весной 1895 г. Витте выступил с предложением о спрямлении Великого Сибирского пути и о прохождении части его через Маньчжурию. Помимо политических и стратегических целей, проект Витте преследовал целый ряд экономических интересов. Получение от Китая концессии на строительство маньчжурского участка дороги стало важной составляющей общего стратегического плана.

Вслед за выступлением совместно с Францией и Германией против условий Симонсэкского договора следующим крупным шагом российской дипломатии в этом направлении было заключение займа для Китая при гарантии России, необходимого для уплаты первого взноса послевоенной контрибуции.

Китайско-японская война изменила характер взаимоотношений Китая с внешним миром. Страна оказалась перед угрозой раздела. Проводившаяся ранее политика сбалансирования натиска держав путем использования противоречий между ними оказалась неэффективной в критической ситуации китайско-японского конфликта. В результате большая часть китайских политиков пришла к убеждению, что лучшим способом обеспечить мир и безопасность Китая было бы сблизиться с одной державой, чтобы, используя ее военную помощь, получить реальное средство противостояния враждебному внешнему миру. Главная ставка делалась при этом на Англию, занимавшую к тому времени наиболее прочные позиции в Китае и имевшую самый сильный флот на Тихом океане, и на Россию, непосредственно заинтересованную в том, что происходило вблизи ее границ.

Британская дипломатия рассматривала Японию как заслон распространению российского влияния на Дальнем Востоке и уговаривала китайских министров пойти на уступки и достичь соглашения с Японией. Когда окончательно выяснилась нейтральная позиция Англии в китайско-японском конфликте, многим ведущим китайским сановникам курс на заключение союза с Россией стал казаться единственным возможным выходом в сложившейся ситуации. Его стали поддерживать и те, кто ранее отстаивал опору на Англию.

Идея объединения с Россией против Японии принадлежит Ли Хун-чжа-

ну. Родилась она задолго до китайско-японской войны, в 1879 г., когда Ли отстаивал мирный путь урегулирования илийского кризиса, рассчитывая добиться поддержки России в решении вопроса об островах Люцю, аннексированных к тому времени Японией. Хотя тогда его предложение не было принято, существенно, что уже в ту пору китайскими сановниками обсуждалась идея получения военной помощи от России против Японии.

Проявления «дружбы» со стороны России после войны увеличили число сторонников русско-китайского сотрудничества. Вслед за Ли Хун-чжаном такие выдающиеся сановники, как Чжан Чжи-дун, Лю Кунь-и, Чжан Бай-хай, Ван Чжи-чунь, Вэн Тун-хэ, убеждали Цзунли ямынь искать защиты у России от дальнейших притязаний Японии и Запада.

Главным аргументом для них была общность интересов России и Китая перед лицом японской агрессии. Англия отвернулась от Китая и искала поддержки Японии против России. Поскольку Япония была врагом Китая, то Россия, враг Англии, была очевидным союзником для Китая. Хотя Цзунли ямынь был взволнован предостережениями английских и немецких представителей об опасности полагаться на помощь России, приходилось учитывать и то, что дружба России во всяком случае стоила бы Китаю меньше, чем ее враждебность, которую Пекин мог навлечь на себя, отказываясь принять ее руку помощи. Выступая перед тронем в защиту оборонительного союза с Россией, вице-президент Министерства финансов Сюй Ин-куй заметил: «Некоторые уподобляют Россию волку или тигру, считают, что мы обязательно навредим себе, если свяжемся с нею, но они даже не могут себе представить, что будет, если мы попытаемся увернуться от нее»¹.

Кроме того, в расчет были приняты традиционные особенности русско-китайских отношений, долгое время поддерживаемая Россией политика на сохранение существующего положения на

¹ Цит. по: *Lensen G. A. Balance of Intrigue: International Rivalry in Korea and Manchuria, 1884 – 1899. Vol. 1 – 2. Tallahassee, 1982. P. 489.*

Дальнем Востоке, тот факт, что на протяжении более чем 200-летней истории взаимоотношений стороны ни разу не воевали¹.

В качестве компенсации России предлагалось пойти на уступки в пограничных и торговых вопросах. Были предложения наградить ее частью территории или несколькими городами Синьцзяна.

Но Россию интересовала Маньчжурия. К концу 1895 г. уже выяснились примерные очертания «благодарности», которой она ждала от Китая.

Актуальность задачи железнодорожного строительства в северном Китае осознавалась многими в Китае, особенно после войны. При обсуждении предложения России о строительстве соединительной ветви между Сибирской магистралью и китайскими маньчжурскими линиями высказывались мнения, что это не только устранило бы давление России, но отвечало бы собственным экономическим и стратегическим интересам Китая.

Чтобы урегулировать железнодорожный вопрос и заключить военный союз с Россией, цинский двор назначил Ли Хун-чжана своим представителем, чрезвычайным послом Китая на коронации Николая II, которая должна была состояться в мае 1896 г. Ли попытался отказаться по причине преклонных лет и слабого здоровья, «если вдруг упаду во время церемонии, тем нанесу большой вред государству»². Двор, конечно, не принял отказа, а велел успокоиться и постараться. Ли послал ответ с благодарностью за оказанную милость и обещанием «постараться от всей души» и выполнить ответственное поручение. В доказательство своей самоотверженности он взял с собой в дорогу гроб тикового дерева в разобранном виде на случай, если не переживет долгого и утомительного путешествия, которое ему предстояло совершить в возрасте 73 лет. 3 марта Ли покинул Пекин.

Посольство находилось в России с 28 апреля по 12 июня 1896 г. В Одессе, куда прибыл пароход с Ли Хун-чжаном

и его многочисленной свитой, послу была устроена торжественная встреча, первая из целой серии пышных церемоний, отметивших его приезд в Петербург 30 апреля, а затем в Москву 17 мая и в Нижний Новгород 8 мая, где Ли дважды подробно осматривал Всероссийскую промышленную и художественную выставку. 18 (30) апреля на Варшавском вокзале в Петербурге состоялась следующая сцена: «...в Императорских комнатах вокзала на покрытом желтым шелком столе стояли священные письма китайцев... Ли Хун-чжан, опираясь на святые письма, высказал пожелание многолетнего царствования Государю Императору Николаю II и повелителю Китайской империи. После церемонии отбыл в Европейскую гостиницу»³. С этого момента до отъезда в Москву, казалось, каждый шаг китайского чрезвычайного посла становился достоянием раздела хроники. Сообщалось о многочисленных визитах к нему важных государственных деятелей и его ответных визитах к ним, об осмотре им достопримечательностей города. Посланник проявил повышенный интерес к предприятиям военной промышленности и флота. Он посетил «патронно-гильзовый завод на Литейном, где подробно ознакомился с конструкцией 3-линейных винтовок, казенный завод, где он обратил особое внимание на насыпку патронов бездымным порохом, причем заинтересовался применением женского труда на этом заводе», предпринял экскурсии в Николаевский и Смольный институты, «произвел на Царицыном лугу смотр всем частям столичной пожарной команды», присутствовал при спуске нового броненосца⁴.

Секретные переговоры продолжались с конца апреля до начала июня. С русской стороны заправлял всем делом Витте. На предварительном этапе переговоров выяснилось, что Россия связывает свое желание строить железную дорогу через Маньчжурию с готовностью защищать принцип целостности Китая и обосновывает необходимость строительства как средство оказать реальную помощь. Встретив упорство Ли Хун-чжана в вопросе о концессии, Вит-

¹ См.: Доклад Лю Кунь-и от 8 июля 1895 г. // Цинцзи вайцзяо шиляо (Материалы по истории внешних сношений периода Цин). Пекин, 1933. Цз. 115. С. 20–21.

² Юань Шу-и. Ли Хун-чжан чуань (Биография Ли Хун-чжана). Пекин, 1994. С. 333.

³ Санкт-Петербургские ведомости. 1896. 19 апр.

⁴ Там же. 30 апр.; 1, 3 мая.

те организовал ему встречу с Николаем, которая состоялась 7 мая, через три дня после официальной церемонии вручения верительных грамот, во время которой Ли преподнес царю «орден Дракона 1 разряда 1 класса, усыпанный бриллиантами, до сих пор никому никогда не дарованный Богдыханом»¹.

Разговор с Николаем подтвердил, что вопрос о дороге Россия тесно увязывала с вопросом о военной помощи. Выяснив цену российской «дружбы», Ли Хун-чжан на следующий день на встрече с Витте и Лобановым поднимает вопрос о союзе. Реакция российских представителей подтвердила правильность его выводов. Лобанов предложил, чтобы секретный договор об обороне был заключен между Россией и Китаем после ратификации железнодорожной конвенции. Ли со своей стороны хотел, чтобы вопрос о взаимной обороне был решен прежде обсуждения вопроса о дороге.

В конце концов Витте и Ли Хун-чжаном было выработано устное соглашение, ставшее основой проекта договора. Он состоял из преамбулы и шести статей². Стороны обязывались помогать друг другу всеми средствами в случае нападения Японии на русскую территорию в Восточной Азии либо на территорию Китая или Кореи. После того как проект был подан на рассмотрение царю и затем снова передан Витте, тот обнаружил, что этот пункт обобщен: уже не было указано прямо на Японию, а было сказано, что в случае нападения с чьей-либо стороны Китай и Россия обязуются защищать друг друга. Примечательно, что в разговоре с Ли Хун-чжаном Николай II упоминал не только Японию, но и Англию как возможных противников Китая и говорил о помощи России в случае конфликтов Китая с этими странами³. Витте убедил Николая вернуть прежнюю формулировку, чтобы не восстанавливать против себя многие европейские державы, если вдруг о соглашении станет известно. Эта история имела продолжение, когда еще не исправленный проект получила

китайская сторона. В ответной телеграмме высказывалась просьба уточнить, что подразумевала Россия под помощью Китаю в случае затруднений на Западе и Юге. В ответ представители России заявили, что не станут связывать себя обещанием помощи Китаю в случае его конфликта с Англией или Францией, т. к. это повлияло бы на ситуацию как в Европе, так и в Азии.

В соответствии с четвертой статьей Китай соглашался на прокладку железной дороги через территории провинций Хэйлунцзян и Цзилинь. По предложению Ли Хун-чжана, в этом пункте была сделана вставка о том, что это не может служить поводом ни для вторжения на китайскую территорию, ни для нарушения суверенных прав его величества китайского императора. Дело поручалось Русско-Китайскому банку, основанному еще в декабре 1895 г.

Попытка Витте на переговорах заговорить о железнодорожной ветви к одному из портов Желтого моря расстроилась формально из-за вопроса о ширине колеи. По словам Витте, Ли Хун-чжан как друг России советовал ни в коем случае не идти на юг от линии, которая должна соединить Сибирский путь с Владивостоком. В противном случае это могло бы возбудить, по его мнению, такие политические волнения среди китайцев, в своей массе совсем незнакомых с европейцами, смотрящих на каждого белого в известной степени как на недоброжелателя, что подобный шаг мог бы иметь самые неожиданные печальные последствия как для России, так и для Китая⁴.

3 июня (22 мая), когда был подписан секретный договор, газеты сообщали о пожаловании Ли Хун-чжану ордена А. Невского с бриллиантами.

Обе страны руководствовались на пути к объединению государственными интересами, прежде всего стратегическими, как они понимались в контексте международных отношений того времени. Отступить от этого пути в 1898 г. и обнаружить тем самым фиктивность русско-китайского союза было катастрофой не только для Китая, но и началом катастрофы для самой России. Договор был

¹ Санкт-Петербургские ведомости. 22 апр.

² Русско-китайские отношения, 1689—1916: Сб. документов. М., 1958. С. 73.

³ Телеграмма Ли Хун-чжана в Цзунли ямынь от 10 июня 1896 г. // Цинцзи вайцзяо шилiao. Цз. 121. С. 5—6.

⁴ Витте С. Ю. Воспоминания. М., 1994. Т. 2. С. 72.

выгоден обеим сторонам, но в этом альянсе определяющим звеном была Россия. Видимость союза могла поддерживаться до тех пор, пока Россия предпочитала по отношению к Китаю политику мирного проникновения. Как только она отступила от этого курса, заняв в марте 1898 г. Порт-Артур, союз стал фикцией. Возможно, если бы политика России в тот период была более последовательной, события повернулись бы иначе.

Для китайской стороны политика цинского правительства на сотрудничество с Россией была прагматичным, а кроме того, единственно возможным решением. Она основывалась на общности китайских и российских интересов перед лицом агрессии Японии — врага, которого больше всего ненавидели и боялись тогда в Китае.

Что касается маньчжурской линии, обе страны в той или иной степени шли на риск, решаясь на это предприятие. И для китайской, и для русской стороны существовали свои «за» и «против», и при неблагоприятных обстоятельствах дело могло плохо кончиться. Тот же Ли Хунчжан это понимал. По свидетельству кн. Ухтомского, находившегося в Китае в мае 1897 г. с ответной миссией, Ли отзывался о КВЖД как о великом сооружении, которое призвано или мирно объединить, или враждебно противопоставить друг другу Китай и Россию¹. О риске для России, который заключался прежде всего в том, что дорога проходила по территории чужого государства, предупреждал еще приамурский генерал-губернатор Духовской в январе 1896 г.² И Китаю, и России нужны были годы мирной, стабильной обстановки, чтобы получить то, что было задумано. Китайские политики очень надеялись, что Россия будет поддерживать спокойствие, поскольку оно было необходимо ей самой. Так что у Ли Хунчжана были определенные основания объявить по возвращении: «В основном мир на 20 лет обеспечен». Так казалось не только китайцам. Немецкий посланник Гейкинг в марте 1897 г. высказывал мнение, что по крайней мере

в ближайшем будущем Китаю нечего бояться России³.

Период «дружбы» длился до марта 1898 г. Со времени занятия Порт-Артура политика китайского правительства резко изменилась. Агрессивные действия России убедили его, что ввиду слабости Китая никакой союз не может быть в действительности в национальных интересах страны, а только в ущерб им.

А. Ж. Тойберт

¹ Телеграмма Ухтомского Витте от 26 октября 1897 г. // РГИА, ф. 560, оп. 28, д. 58.

² Первые шаги русского империализма на Дальнем Востоке (1888—1903 гг.) // Красный Архив. 1932. Т. 3 (52). С. 83—91.

³ *Lensen G. A. Balance of Intrigue. P. 513.*